

Константин Бясов

У моря

16+

Константин Бясов

У моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57118025

SelfPub; 2023

Аннотация

Главный герой и его друзья – подростки, пытающиеся найти своё место и счастье в жизни в разгар крушения советской системы.

Константин Бясов

У моря

Николай Прокопьевич Забелинский, грузный мужчина средних лет с жигулевским пузом, больше обусловленным особенностями метаболизма и спокойным, размеренным образом жизни, нежели страстью к холодненькому и хмельному, пьёт горячий грузинский чай, только что свежезаваренный супругой Ниной Григорьевной, из стеклянного граненого стакана, держа за ручку гравированный батально-эпическими сценами посеребренный подстаканник. Заедает напиток традиционным завтрачным бутербродом с крестьянским маслом и вареной докторской колбасой, откусывает маленькие кусочки и прожёвывает не менее десяти раз, как научили ещё давным-давно в детском саду.

Доев, он поблагодарил жену, приподнялся из-за стола и, шаркая тапками, отправился в свою крепость-убежище – комнату-библиотеку, в которой его ожидал очередной том гигантской эпопеи Марселя Пруста. Но это вечером, после работы, подумал Забелинский, взглянув на книгу на стеклянном журнальном столике, сладостно предвкушая продолжение увлекательного и умного чтения, аккуратно погладив кончиками указательного и среднего пальцев обложку «У Германтов», а затем взял томик в руки, поднес к лицу и, вдохнув, ощутил прекрасный и ни с чем не сравнимый аро-

мат свежего издания.

Лет десять назад Николай Прокопьевич успел познакомиться с первой частью цикла через ярославский самиздат. Скинулись со старыми друзьями и кучей незнакомых людей, среди которых, естественно, по традиции, присутствовал минимум один стукачок (а таковые были везде – на работе, в пивной, в кофейне на набережной, среди соседей и проч., и вычислялись довольно легко, как считал Николай Прокопьевич – они лучше и легче остальных умели налаживать контакты, но гораздо больше их выдавала тщательно скрываемая, но, тем не менее, фальшивая заинтересованность в собеседнике, деле, ситуации и т.п.), профинансировали скопом нелегальный проект «репринта» собрания тридцатых годов, но эта спекуляция заглохла, так как в «Книжном обозрении» анонсировали скорое официальное московское издание. Впрочем «крысу» Николай Прокопьевич не видел, но по описаниям друзей все стало понятно.

И вот он здесь, уже третий, желанный том. Кто знает, может быть, засланный казачок повлиял? Выявил потребности, послал запрос, который рассмотрела комиссия и не нашла ничего дурного в Прусте и дала добро на публикацию. Как бы то ни было, все и всегда к лучшему. Ничего умнее, тоньше, глубже я ещё не читал, подумал Забелинский, да и перевод замечательный, много лучше старого.

Хм, а как же Фолкнер? Да, не хуже. Да и наших титанов забывать не стоит – великого бородатого старца, сентимен-

тального врача и гениального недосоциалиста-неврастеника. Как же это сказал однажды мой практически однофамилец – русская литература будет, хотя ее ещё нет, вроде того. А я говорю – была, но ее уже почти нет. Шолохов, Пастернак, Тендряков? Не смешите мои тапочки!

Однако есть же ещё ирландский «Одиссей» – да, именно он, вот что действительно самое умное и глубокое. Но для того чтобы хорошо понять эту книгу, нужно прочитать столько же, сколько уже за плечами, а может и больше. Да и не помешает выучить английский, латынь и французский, чтобы ощутить всю глубину подтекстов и ссылок модерниста. Да, у Джойса много плюсов, а вот смысла маловато, однако отлично умеет он повышать мою, то бишь, читательскую самооценку, да и собой, своими познаниями расчудесно бахвалится, как деревенский пижон в вышиванке, впервые посетивший большой город – мол, смотрите, сколько я всего знаю и как много умею, хотите – станцюю? А французы? Ну, эти, как их там – эксгибиционисты и антироманисты, сюрреалисты. Селин, Партр, Камю, Арагорн, Фиан, Жид, десятки других. Очень-очень много новых впечатлений, красочных чувств, открытий о себе и о мире. Пруст ведь тоже француз? Ну да, Марсель же, Массилия, Новая Эллада. Всегда они в авангарде, что в прошлом веке, что сейчас.

Утонув в мягком бархатном кресле в углу, поправив толстые а-ля роговые очки с оправой и дужками желтовато-мраморно-ракушечного цвета, Николай Прокопьевич обозрел

свои владения. Все в книгах, стены сплошь уставлены темно-каштановыми стеллажами до потолка и шкафами под них. Тщательно, со вкусом и усердием годами собранная библиотека лучших, отборных и редчайших изданий, которые только можно было найти в Советском Союзе. Даже Толстой, вождь 90-томник, который начал коллекционировать отец ещё в тридцатые годы, плюс указатель. Не меньше гордости вызывали уникальные местечковые издания – их можно было найти только через старых друзей в Прибалтике, Средней Азии, Молдавии. На каждую книгу ушло много денег, нервов и времени – такова цена подписки и этого недешевого увлечения в целом.

Пора сходить за прессой. Забелинский медленно дошёл до прихожей, шелестя сплюснутыми резиновыми тапками, открыл входную дверь, неторопливо спустился со второго этажа вниз, к почтовым ящикам. Миниатюрным ключиком открыл щедрый замок и достал «Советскую Абхазию», «Известия», «Правду». Завтра принесут еженедельники, в том числе «Книжное обозрение». Там узнаю о новых подписках и когда наконец выйдет следующий том полного Чехова. В следующий вторник – журналы «Наука и жизнь», «Огонёк», «Смена», «Крокодил». Ещё через неделю в ящичке будут лежать «Иностранка», «Вокруг света», «Роман-газета». От этого на душе стало ещё теплее. Николай Прокопьевич с укоризной посмотрел на вечно пустующие или полупустые почтовые ячейки соседей по подъезду. Чем вы во-

обще живете? Своей жизнью, вот чем, полностью вовлеченно. А я – помимо своей – живу ещё и сотнями других, благодаря вот этому – Забелинский мысленно указал на журналы и книги.

С улицы, прямо в подъезд, где стоял Николай Прокопьевич, дунул тёплый ветерок. Знойное лето прошло, но сентябрь все ещё жаркий и душный, даже утром. Забелинский посмотрел на часы и подумал, что на газеты есть ещё немного времени, а после – на работу. И поднялся на второй этаж, где перед его квартирой стояла Фатима Викторовна с детьми – девочкой Елизаветой и сынишкой Котиком. Соседи с третьего.

Нина Григорьевна открыла дверь, зашли все четверо. Николай Прокопьевич вернулся на старое место, где пил чай, разложив первую газету. Супруга взяла за руку трехлетнего мальчика туда же – на лоджию. Он устроился на диване с игрушками. Фатима Викторовна попрощалась и убежала со старшей в садик.

Забелинский пробежался по статьям, читая по традиции с конца газеты, ища взглядом интересный материал. Ага, спортивные результаты. Московская Олимпиада отгремела месяц назад, оказалась больше сентиментальной (даже сам Николай Прокопьевич смахнул слезу при виде улетающего Мишки), чем интересной и состязательной, так как основные конкуренты советских спортсменов в СССР не приехали из-за бойкота, связанного с вводом войск в Афганистан.

Вдруг Забелинского что-то забеспокоило. Он почувствовал внимание. Посмотрел на малыша. Тот все ещё сидел на диване, игрушки лежали нетронутыми. Тихий, спокойный мальчик. И пристально изучает меня, не отводя глаз, следя за каждым движением, хм, чем же я его заинтересовал, подумал Николай Прокопьевич. Вновь взглянув на часы, понял, что пора собираться – ушёл в комнату, открыл итальянский платяной шкаф, достал классические темные брюки, полосатую рубашку и подтяжки, переоделся, обулся в саламандры в прихожей, попрощался и убежал на работу.

Нина Григорьевна закрыла дверь за супругом и вернулась на лоджию убрать со стола и помыть посуду. Но теперь на месте Николая Прокопьевича сидел малыш и внимательно изучал оставленную раскрытой газету. Женщина улыбнулась и аккуратно, стараясь не беспокоить Котика, протерла скатерть, убрала со стола стакан и тарелку, отнесла их к раковине на традиционно мизерную, два на два, советскую кухню (где чуть ли не большую часть площади занимает холодильник ЗиЛ), что соседствует с лоджией, помыла и поставила в шкаф.

Теперь моя очередь позавтракать, подумала она, но решила ограничиться кофе по-турецки. Слава Богу, немного бодрящей пыли осталось со вчерашнего дня – Николай Прокопьевич пыхтел минут десять с ручной кофемолкой, а женщинам и вовсе с очень большим трудом это дается. Вон, у некоторых местных жильцов, особенно у иных крутых в сосед-

ней девятиэтажке, есть такие электрические машинки, что за несколько секунд превращают жареные зерна в порошок. Но стоят они, простите, добрую половину месячной зарплаты, а взятки, блата, товаров из-под полы и прочего у нас нет, да и не нужно. Лучше уж пыхтеть с механической, чем марать себя такими делами. Мы не ищем роскоши, легких путей, да и люди простые.

Нина Григорьевна думала об этом, пока засыпала три ложки сахара и две с кофе в турку, добавила воды и поставила на самый слабый огонь. Взглянув в тубус, поняла, что порошка осталось ещё на пол-чашечки. Ладно, может Джульетту по-прошу помолоть, скоро уже, верно, должна подойти.

Только Нина Григорьевна подумала об этом, как в дверь раздался звонок. Собираясь в прихожую, она заметила, что малыш не обратил ни малейшего внимания на шум, весь его ум был направлен на изучение непонятных каракулей на грубой серой бумаге.

Это действительно была Джульетта с дочкой – трехлетней Аленкой. Мальчики и девочки в таком возрасте крайне редко находят общий язык, но мало ли что – а вдруг, подумала Нина. Правда, Котик совсем тихий, может так и просидеть целый день на одном месте, а Лена бойкая, активная девочка, ей игры подавай, общение.

Девочка быстро забежала на лоджию, разложила своих кукол на диване и увлеклась ролевыми играми, даже не заметив мальчика за столом. Джульетта и Нина вошли следом,

увлеченные разговором. Первая, увидев Котика за столом с газетой, выразила искреннее восхищение, что такой маленький мальчик уже умеет читать. Хозяйка в ответ просто улыбнулась. И в этот момент заметила, что карапуз оторвался от газеты и внимательно изучает Аленку.

Вечер. Болотистая местность неподалёку кишела громкими переливающимися квакерами. Днём мы собирали там голубику, ловили ужей и медянок, пуляли камушками по лягухам, нашли окоченевший труп собаки, подожгли его и убежали, почувствовав невыносимую вонь.

Трещат сверчки, порхают светлячки – искрометно летающие тараканы. Комаров почти нет, в особенно жаркое лето их никогда не бывает много. Отголоски морского бриза – побережье Понта Эвксинского километрах в семи – доносятся лёгким прохладным дуновением соленого и сочного кислородом живительного воздуха.

Из чьего-то окна очень громко орет нежно-пронзительный медляк “Eternal flame” популярной женской попко-рок-группы Da Bangles – заглушают вопли, это нормально, почти традиция с тех пор, как компактные магнитофоны сменили громоздкие бобины и музыка стала доступной почти всем. Разноцветноволосый бабский коллектив широко известен благодаря яркому и забавному клипу про цыган со странной походкой. И солистка симпатичная.

Кстати, компактный цыганский табор живет чуть поодаль за болотом, ближе к Новому району. Никто их не трогает и не боится. Я в том числе. Возможно, это связано с тем, что в начальной школе сидел за одной партой с верзилой – Цыганским королем, прозванным так за рекорды, поставленные им в школе. Ещё ни один представитель его народа не продержался в образовательном учреждении так долго – два класса. Обычно все убегали после нескольких недель. Что уж поделать, обязателька никогда не привлекала кочевников. Разместились они в шалаше, в своём раю. Однако, при чем здесь табор? Не цыгане же устраивают оргии и тщетно пытаются заглушить стоны и вздохи громкой музыкой?

Мы сидим у остывшей кондитерской фабрики. Та же компания 13-14-летних ребят, что и каждый день. Женя, Рузана, Алена, Саша, Андрей, Ляля, я. Иногда присоединяются другие ребята, но чаще остальных мелькают Малхаз и Бадри. Посидят несколько минут, пощелкают семечек, толкнут пару-тройку бак, интересных только им самим, и исчезнут. Позже опять появляются, и так же, мимолетно. Идут к другой тусовке, потом к третьей и далее по всему району. Занятые ребята, вечно что-то мутят, треклятые кочевники-спекулянты.

Нет-нет, погодите, хоббит Саша – ему ведь не больше двенадцати. По крайней мере, на вид. Он ростом метр пятьдесят максимум, да и выглядит совсем как ребёнок. Несоразмерно большая башка, покрытая густыми и прямыми свет-

ло-русыми и всегда непричесанными и немытыми волосами, хиленькие, но мясистые коротенькие ручонки, однако при всем при этом, что странно, в общем и целом складывается эдакий мужиковатый образок. С ногтей.

Рассуждает Александр взросло и порой даже мудро. Выражение «не по годам» неуместно, потому что никто не знает наверняка, сколько ему лет. Санек и сам скорее всего забыл, как часто оставался на второй год, если, конечно, не выдумывает. Кто-то говорил, что Саше уже шестнадцать, просто он очень часто мастурбирует, а оттого и не растёт. Может оно и вправду так.

Хотя сам Александр утверждает, что имеет сексуальный опыт. В этом, мол, ему помогли девчонки из России, которые приезжали сюда на лето – наша школа каждое жаркое время года преобразовывалась в пионерский лагерь. Прямо там, на холме, непосредственно перед зданием, ставился шатер размером с половину нашего образовательного учреждения. Многие ребята действительно туда частенько наведывались, приглашали девушек погулять, на море, в гости, и некоторые добивались желаемого. Но вот Саше никто не верит.

Кстати, о кондитерской фабрике. Меня всегда интересовало, как в это здание проникает свет. Пять высоких, не менее пяти метров, этажей, четыре узких полоски прищурившихся окон по всему периметру, прикрытых сверху навис-

сающими полужалюзи-ресницами. Как выяснилось, в естественном свете этот завод не нуждается.

В прошлом году нас несколько раз водили туда то ли в качестве экскурсии, то ли это практика была, не очень понятно, да и не суть. Немного поработали у конвейера, предварительно прослушав мимо ушей лекцию о технике безопасности и о работе на фабрике в целом. Всего-то нужно было раскладывать батончики по коробкам. Но это на моем участке. У кого-то по конвейеру полз аппетитный горячий шоколад, которому нехитрыми действиями и приспособлениями придавали правильную форму.

Одноклассники из группы горячего шоколада завидовали нам – батонщикам, а мы – им. Хотя этим бедняжкам приходилось ухищряться, придумывая способы поедания сладкой жижи без причинения вреда конвейеру и, что не менее важно – без донесения своей слюны и прочей грязи в продукт, который ответственное советское производство готовит социалистическому потребителю.

Ну а мы же просто жрали готовые конфеты. Хотя горячий шоколад выглядел привлекательнее.

Не то чтобы они очень вкусные, эти батончики. Просто мы почти всегда были голодными, как и все остальные обычные советские дети. Даже с собой прихватили вкусностей, заполнив ими ранцы.

Ещё был консервный завод, который тоже недалеко, примерно километр в глубь Старого района. Не рыба, не мясо

– фрукты, конечно же. Что же ещё можно и нужно распахивать по банкам с водой и сахаром в субтропическом регионе, богатом абрикосами, персиками, айвой, алычой, гранатом, инжиром, кизилом, мушмулой, фейхоа и многими другими дарами деревьев.

Эта фабрика потрясла наши детские умы сложностью и гибкостью советской инженерной мысли. Специальные приспособления выдавливали из фруктов сердцевину с костяшками, вместе с последними отправляя в отходную корзину добрую половину самой сладкой и нежной части плода. Значительно похудевший некогда красивый и зрелый персик или абрикос погружался в трехлитровую стеклянную банку.

Вот, собственно, все два этапа консервного ряда, к которым нас допустили. Те помещения завода, где фрукты омывают и очищают, а также многие другие, как сказали педагоги, не так интересны школьникам.

Саша отвёл меня в сторонку и настоятельно сказал:

– Давай, действуй, что ты мямлишь? Скажи ей, что любишь, начнёте встречаться. Ведь любишь? – Он посмотрел на меня испытующе.

Первое, что пришло мне в голову, это послать Сашу куда подальше, порекомендовать захлопнуть свою помойную яму и не вмешиваться в чужие дела. Но, слава богу, вспомнил, что Алена знакома с ним намного дольше, чем со мной и

относится с уважением. Вряд ли она заценит агрессию. Так что терпи, солдат, не то козлёночком станешь.

– Да, люблю.

– Скажи ей, а то она подумает, что тебе от неё только одно нужно.

Тут я немного смутился, мол, ничего подобного мне от Алёны не надо. Разумеется, речь шла о сексе. Но я ещё не знал, каково это, да и не думал о близости с женщиной основательно (хотя, совсем недавно, в конце апреля, я узнал кое-что важное, но об этом потом). Все представления о нем начинались и заканчивались коротенькими эротическими сценами из импортного кино (которые мы смотрели в видеосалонах и раз в неделю по грузинскому телеканалу в передаче «Иллюзион»), где мужчина и женщина сначала обнимались, целовались, ласкались, а потом страстно терлись друг о друга. Сами по себе данные эпизоды почти ничего не выражали и не объясняли, но поведение взрослых, если вдруг мы совместно созерцали фильм с подобными действиями, говорило нам – детям, что «это» крайне важно, поскольку зрелые люди сильно смущаются при виде обнажёнок, стараются переключить канал, просят не смотреть, выйти или сами ретируются.

В советском же искусстве, как известно, секса не было. Даже несмотря на мегапопулярность «Маленькой Веры» и «Интердевочки», где практически впервые в истории нашей страны на экранах показали неожиданно откровенные интимные сцены, это все еще рассматривалось как случайное

исключение из общего правила. Эти два фильма, а также нигилистский «Курьер» плюс квазиреставрационно-ностальгические «Гардемарины, вперёд!» и неожиданно жёсткий криминальный боевик «Асса» в гораздо большей степени повлияли в ином контексте – они попросту ознаменовали эпоху заката социалистического реализма, инициировав его агонию и быстро ускорив.

Впрочем, все эти фильмы можно было бы отбросить в сторону, так как в деле уничтожения материалистического диалектизма намного больше сделала всего-навсего одна абсурдно-веселая песня «Мальчик Бананан» из указанного детектива. Это вам совсем не примитивно-гиперреалистичный хит «Как прекрасен этот мир» той же группы – «Веселых ребят». Это был удар шокирующей силы по затхлым, протухшим и закостенелым мозгам советского люда, сравнимый с нокаутом Мохаммеда Али казалось бы неуязвимого Джорджа Формана, с Хиросимой и Нагасаки, с татаро-монгольской саранчой, обглодавшей почти всю Евразию. И промышленно, что примерно в то же время читающая публика массово потянулась в литературе в сторону магического реализма – к «Мастеру и Маргарите», «Ста годам одиночества» и т.п., в общем, ко всему тому, что разрушало укоренившиеся советские стереотипы.

Соцреализм ещё какое-то совсем коротенькое время существовал, но вышеуказанные культурные явления переакцентировали внимание зрителя на себя, то есть более ли-

беральные творения, близкие по духу западным, буржуазно-капиталистическим образцам, где творчество не сводится к морализаторству и прямому обучению, как правильно жить, а конкретнее – строить отношения, воспитывать детей, учиться, работать и т.д., а как – неправильно. Да и надоело это, приелось, хотелось просто интересного, захватывающего зрелища. И жить будем так, как можем, хотим и умеем, хватит нас учить. Кто судьи? Кто учителя? Рожу свою видели в зеркале? Вот и все.

И несмотря на то, что некие подобию развлекательных шоу по двум советским телеканалам все же иногда транслировались («Клуб путешественников», «В мире животных», «Вокруг смеха», «Песня года» и некоторые другие), в общем и целом о сути советского телевидения (да и массовой культуры в целом) гораздо больше говорили новостные и обзорные передачи, а также «Сельский час». Это было скучно – раз, враньё – два. В новостях наша страна вечно с кем-то соревновалась, кого-то обгоняла по разным показателям – военным, экономическим, социальным. Западные государства продолжали загнивать со своим бесперспективным капитализмом, причём делали это уже подозрительно долго – целых несколько десятилетий. Они просто обнаглели и почему-то не хотели кануть в Лету, вопреки страстному желанию хиленькой, грубой пропагандистской машины соцлагеря, знавшей и применявшей лишь репрессивные и ограничительные методы управления и влияния. А ведь там – в

капиталистических странах – каждый день становилось все хуже и хуже. По крайней мере, нам так сообщали дикторы. Но в действительности хуже-то становилось у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.